

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
Сергей КИРЮТА

ТЕЛЕФОН - СЕМЬ ДЕВЯТОК

Ненаучно-фантастический газетный роман
без пролога, эпилога и некролога,
но с объявлением о розыске

г. Запорожье

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если и существует категория фантастически невезучих людей, то Александр Викентьевич Воробышкин, или попросту Шурик, был бы чемпионом именно в этой категории. Если он приходил в кафе, то все официанты сейчас же куда-то исчезали, а когда они появлялись вновь, то оказывалось, что цыплята, с таким аппетитом поедаемые за соседними столиками, только что закончились. Стоило Воробышкину сдать вещи в химчистку, как они надолго пропадали, а если и возвращались владельцу, то со старыми пятнами на новых местах или с новыми пятнами на старых. Шурика никогда не ждали в гостиницах, чтобы поселить в номер "люкс", его не ждали на улице, чтобы взять интервью, его не ждали в филармонии, чтобы вручить билет на Аллу Пугачеву, его не ждали знакомые, чтобы вернуть долг, его не ждали ни в редакциях, ни на радио, ни на телевидении. Его нигде не ждали.

Но стоило в автобус войти контролеру, как он безошибочно находил Шурика, хотя тот всегда компостировал талоны. Стоило ему проскочить вместе со всеми на красный свет, как тут же появлялся милиционер и интересовался именно его биографией. Воробышкина ждали, чтобы вручить ему тухлые яйца или кости вместо мяса, его ждали, чтобы продать ему туфли на одну ногу, его ждали, в подворотне, чтобы попросить закурить, его ждали у прилавков всех магазинов, когда кончался месячник культурного обслуживания покупателей, его ждали на вокзале, чтобы сообщить, что поезд ушел по расписанию, а в его часах не хватает двух камней. Его везде ждали.

Однажды Александра Викентьевича ждали в родном учреждении, чтобы сообщить ему о предстоящей командировке в центр. Начальник учреждения, Иван Никифорович Предбанник, давно уже руками и ногами отбивался от обязательного ремонта здания, в котором находилось учреждение. Ремонт не сулил ничего хорошего: перерасход средств, невозможность изыскания стройматериалов, застой в работе и тому подобное. Пораскинув мозгами, Предбанник решил отправить за дефицитными стройматериалами именно Воробышкина. Во-первых, было ясно, что он ничего не привезет, а во-вторых, эту неудачу можно было бы использовать как предлог для избавления и от ремонта, и от нерасторопного Воробышкина заодно.

Итак, предстоящая командировка не сулила Шурику ничего хорошего. Он с тоской оформил все необходимые документы, купил билеты и поспешил домой - собраться в дорогу. Дома, открыв свой походный чемоданчик, Воробышкин обнаружил в нем странный предмет, совершенно ему не знакомый. Странный предмет, напоминающий бутылку, излучал какой-то мрачно-ватый свет и при встряхивании булькал. Попытки открыть его ни к чему не привели, и измучившийся Шурик в сердцах грянул предметом о стену.

Со стены упала репродукция картины "Купание красного коня", а предмет, деформировавшись, стал похож теперь на литровую банку, сильно сплюсненную с боков и со странной наклейкой: "Сок РАЗНЫЙ". На месте горлышка Шурик обнаружил явно выступающую кнопку.

Давно привыкший к ударам судьбы Воробышкин, не раздумывая, нажал таинственную кнопку. Внутри банки еще сильнее забулькало, комната на миг озарилась яркой вспышкой, выкупанный красный конь прыгнул на свое место, и на этикетке, как на миниатюрном телеэкране, вместо надписи "Сок РАЗНЫЙ" появились светящиеся буквы:

СБОРНИК ИНСТРУКЦИЙ ПО ПОВЕДЕНИЮ НА ПЛАНЕТЕ № 3
СИСТЕМЫ ЖЕЛТОЙ ЗВЕЗДЫ НАЗЫВАЕМОЙ СОЛНЦЕМ

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ АСТРОНАВТОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
С ПЛАНЕТЫ № 5 ВОСЬМОЙ ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЫ СОЗВЕЗДИЯ
ГОРЧИХ ПСОВ

ПЕРЕД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ВСТРЯХИВАТЬ

Экран медленно погас, и вместо него опять проступила этикетка "Сок РАЗНЫЙ". "Вот так штука, - подумал Воробышкин. - Вечно я куда-нибудь влезу... Не отнести ли ее куда следует?" Но, поразмыслив, он отказался от этого замысла: во-первых, он не знал, КУДА следует нести, а во-вторых, убоился конфуза, который непременно бы с ним произошел, если бы инопланетная банка оказалась чьим-нибудь талантливым розыгрышем.

Поэтому Шурик аккуратно завернул банку в махровое полотенце и уложил ее в свой походный чемоданчик. Страстное желание хоть на этот раз не опоздать на поезд заставило его на время забыть о своей находке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Столица встретила Шурика мерзкой погодой и переполненными гостиницами. Тщетно протолкавшись весь день в очереди перед окошком администратора и досконально изучив монументально выполненный план эвакуации жильцов в случае пожара, Александр Викентьевич уже собирался было заночевать в кресле под пальмой, что было для него не внове. Но тут он вспомнил о своей находке. Он достал банку, встряхнул ее и нажал кнопку. Этикетка "Сок РАЗНЫЙ" исчезла, на ее месте замерцал экран. "Гостиница," - негромко сказал Воробышкин и безо всякой надежды стал ждать. По экрану пробежали разноцветные полосы, как в телевизоре после

Примечание. В случае публикации романа из номера в номер рекомендуется каждую главу подавать отдельно, предпосылая ей краткое содержание предыдущих глав

ухода настройщика, и наконец появилась надпись:

"ИНСТРУКЦИЯ № 217. Чтобы поселиться в якобы переполненной гостинице, нужно:

- а/ если Вы приехали по личным делам - букет цветов, шампанское, шоколад;
 - б/ если Вы высокий, симпатичный, остроумный - комплимент, многообещающая улыбка, купюра в паспорте;
 - в/ если Вы спортсмен, писатель или ученый - независимый вид и известное имя;
 - г/ всем остальным - семь пядей во лбу, а при отсутствии таковых - "я от Ивана Абрамыча";
 - д/ позвонить по телефону 999-99-99, спросить Элеонору.
- СРОК ДЕЙСТВИЯ ИНСТРУКЦИИ ОГРАНИЧЕН. ТОРОПИСЬ!"

Экран погас, и появился уже знакомый "Сок РАЗНИЙ". Ободренный Воробышкин, дождавшись отступления очередной волны желающих переночевать лежа, подошел к окошку администратора и твердым голосом, которого никогда в себе не подозревал, выдал: "Я от Ивана Абрамыча".

Уже через несколько минут он с удовольствием фыркал под душем первоклассного номера, с любопытством поглядывая на странную банку. Вдоволь нафыркавшись, он решил еще раз попробовать. Шурик долго раздумывал, о чем бы спросить, но не нашел ничего интереснее, чем просто встряхнуть ее и сказать первое, что пришло в голову: "Хорошее настроение и крепкий сон".

На банке произошли уже известные ему метаморфозы этикетки, и появилась надпись:

"ИНСТРУКЦИЯ № 131. Для хорошего настроения:

- а/ легкий ужин с шампанским;
- б/ телепередача "Вокруг смеха";
- в/ один из фильмов Эльдара Рязанова;
- г/ позвонить 999-99999, спросить Элеонору.

Для крепкого сна:

- а/ альманах "Поэзия-1987";
- б/ телепередача "Твое подсобное хозяйство";
- в/ досчитать до ста и сказать себе "утро вечера мудренее";
- г/ позвонить 999-99-99, спросить Элеонору."

"Так, - подумал Шурик. -штука эта очень занятная. Может, даже незаменимая." И стал выполнять инструкции: растянулся в кровати, мысленно прокрутил последний фильм Рязанова, потом досчитал до ста и заснул крепким, не отягощенным сновидениями сном - сном уверенного в себе человека.

Наутро Александр Викентьевич проснулся бодрым и смелым. Флюиды хорошего настроения и уверенности в себе так и выливались из него. Даже молоденькая горничная, принесшая ему кофе, не удивила Шурика прось-

бой дать ей автограф. Когда она сообщила, что собирает автографы известных спортсменов, Мурик, не задумываясь, черкнул на листе бумаги: "Прелестной Фенечке от благодарного ЗА ВСЁ А. Воробышкина, экс-чемпиона мира".

Кофе и обворожительная улыбка Фенечки влили в него дополнительный заряд бодрости, и флюиды уверенности в себе распространились настолько, что стали заметны невооруженным глазом. В троллейбусе Мурик не стал компостировать талон, но старушка-вентролер ласково улыбнулась ему и зачем-то поздоровалась. Заинтригованный Мурик попробовал переходить улицы на красный свет, но от этого запрограммированное хорошее настроение не ухудшалось. По странному стечению обстоятельств милиционеров в этих местах не было.

Банка, лежавшая в "дипломате", делала свое дело прекрасно. Мурик с нежностью подумал о ней в кафе, где он решил немного подкрепиться. Он даже открыл "дипломат", чтобы перед поездкой на базу получить инструкцию делового характера. Но — о ужас! — банки в "дипломате" не было!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Александр Викентьевич стремглав бросился к гостинице, по пути лихорадочно соображая: "Как же так, ведь эта банка никому, кроме таких, как я, не нужна... За что этот удар? За что?!" В номере Мурика находилась Фенечка. Она наводила там порядок — уже третий раз за утро. Когда она вытащила из-под кровати заветную банку и спросила: "Ваше?" — Мурик, еще не совсем соображая, пробормотал: "Кажется, да..." Знакомая этикетка, однако, привела его в чувство, и Воробышкин ощутил такой прилив сил, что не нашел им лучшего применения, кроме сильнейшего удара по журнальному столику. Тем самым он положил конец карьере этого уважаемого предмета уюта перед самым его списанием. Фенечка с уважением поглядела на Воробышкина и неслышно ушла.

Слегка отдохнув от потрясения, Александр Викентьевич тщательно уложил банку на дно "дипломата" и направил свои стопы на базу, от которой родное учреждение ожидало помощи в виде стройматериалов. База представляла собой огромный пустырь, огороженный различными строительными конструкциями. Такие же конструкции валялись по всей территории базы. В самом углу пустыря стоял сарай и непонятно как сюда попавший двухэтажный особнячок с лепным орнаментом конца XVII века. Всю эту деловую композицию дополнял висевший на сарае транспарант, некоторые буквы которого поистерлись, что несколько видоизменило суть благого призыва: "БЕР... И В ХОЗЯЙСТВЕ КАЖДЫЙ ТВОЕДЬ — ТЫ ЗДЕСЬ ХОЗЯИН!"

Мурик усмехнулся и направился прямо к особнячку, который был

конторой этой странной базы. Перед дверью кабинета с табличкой "Директор ДУБОК" Воробышкин достал банку и смело нажал кнопку. Появилось мерцание на экране. "База. Дефицит. Достать," - почти лаконически шепнул командировочный. На экране засветились пункты новой инструкции:

"ИНСТРУКЦИЯ № 421/6, ПОПРАВКА ВО ВРЕМЕНИ 6 ЛЕТ. Чтобы получить нефондовый лимитированный дефицит, следует войти в контакт с тем, кто на нем сидит. Для этого:

а/ ему - коньяк утром, ресторан с дальними родственницами вечером;

б/ его жене - путевку в Ялту на август, теще - в Трускавец надолго, тестю - цирроз печени, дочери - вуз, сыну - "Алидас";

в/ "Я от Ивана Абрамыча";

г/ позвонить 999-99-99, спросить Элеонору.

СРОК ДЕЙСТВИЯ ИНСТРУКЦИИ ОГРАНИЧЕН. ТОРОПИСЬ!"

"Ну что же, - подумал Воробышкин, - будем действовать строго по инструкции". И он уверенно толкнул дверь кабинета.

В кабинете сидел, уткнувшись в бумаги, очень круглый человечек в поношенной фуфайке и старой соломенной шляпе. Еще неделю назад в таком кабинете Воробышкин покрывлся бы испариной и мямлил бы что-то о необходимости ремонта, но сейчас он неслышно подошел прямо к фуфайке, положил на стол список дефицита и нежно пропел прямо в розовое ушко: "Я от Иван-Абрамыча... Коньяк в номере, ресторан заказан, вуз на мази, с путевками проблем нет, цирроз обеспечен... Расклад выигрышный..."

Круглая головка оторвалась от бумаг, пухлая ручка включила селектор, изисканное сопрано из-под соломенной шляпы произнесло: "Аделаида!" Тотчас открылась дверь, появилась длинноногая секретарша и замерла перед столом. "Подготовить всё по этому списку, - вновь прожурчало директорское сопрано. - Отправить по указанному там адресу. Ко мне из главка. Буду только завтра к обеду." И курносенькая брюнетка исчезла так же бесшумно, как и появилась.

"Для продолжения делового контакта всегда готов, - уже весело обратился директор к Воробышкину. Он снял фуфайку и шляпу и оказался с прекрасном французском костюме. В этом новом, респектабельном виде он протянул Шурику ручку и представился. - Дубок. По имени-отчеству не люблю. Деловой. А вас?" Воробышкин назвалса, и контакт был продолжен. Правда, Дубок что-то прошептал о каких-то галочках в списке дефицита, но Воробышкин ничего не понял, подавленный спецификой жизни делового мира.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пока директор Дубок разминался в номере у Воробышкина армянским коньяком и легкими бутербродами с икрой, любезно предоставленными метрдотелем гостиничного ресторана, Воробышкин навел справки о месте, пользующемся наибольшей популярностью. Таким местом, по словам того же любезного метрдотеля, был загородный бар "Дупло". Затем Шурик заперся в ванной комнате, достал заветную банку и спросил: "Как бы внедриться в ресторан повышенного спроса?"

Аппарат немедленно выдал инструкцию:

"ИНСТРУКЦИЯ № 891/2. Для посещения любого питейного заведения, пользующегося большой популярностью, надо:

- а/ заранее привезти бутылку шампанского администратору, коробку конфет официантке, визитную карточку бармену;
- б/ подъехать в заведение на собственной машине и дать швейцару рубль, если он без бороды, и три рубля - если с бородой;
- в/ прикрепить на ладкан значок Союза журналистов или вытащить из нагрудного кармана уголок какой-нибудь красной книжечки;
- г/ позвонить 999-99-99, спросить Элеонору.

СРОК ДЕЙСТВИЯ ИНСТРУКЦИИ ОГРАНИЧЕН. ТОРОПИТЬСЯ!

"Торопись! Торопись! Не успеем!" - закричал Воробышкин, вылетая из ванной. "Куда не успеем? Зачем торопиться?" - охладил его пыл Дубок. Кругленький директор совершенно неправдоподобно преобразился в какого-то арабского шейха и сидел на ковре посередине номера, между двух длинноногих созданий, как две капли воды похожих друг на друга, только разных по масти. В длинноногой брюнетке Шурик сразу узнал дубковскую секретаршу Аделаиду, а в блондинке - почему-то Фенечку. Под томную музыку неизвестно откуда появившегося магнитофона прямо из воздуха материализовывались официанты, руководимые все тем же метрдотелем. Они появлялись, оставляли на ковре всевозможные дары моря, мясокомбината и ликеро-водочного завода, и так же неслышно растворялись в воздухе.

Шурик опешил. Но Дубок лихо подкатил к нему и подсунул какую-то бумажку, воркуя своим сопрано, переходящим в сочный альт: "Не волнуйся, брат. Банкет оплачен, танцуют все! Получишь немного меньше, чем выписали, и дело с концом. Да и за это тебе твоя фирма памятник должна поставить!" Он подал знак Фенечке, и она закружила Александра Викентьевича в танце, не сводя с него своих огромных восхищенных глаз... "Дупло", естественно, отпадало. Дубок обладал незаурядным талантом в свивании временных гнездышек. Остаток вечера Воробышкин с непривычки плохо запомнил. Но у него было чувство удовлетворенности от дела, с таким блеском завершено. Он испытывал законную гордость за себя.

Утром, когда банка стала предлагать двенадцать семь способов избавления от головной боли, Александр Викентьевич усомнился было в ее незаменимости и впервые воспользовался вместо ее советов старинным испытанным средством — рассолом. Рассол помог, и Шурик, не прибегая к помощи чудо-аппарата, проанализировал ситуацию трезво и всесторонне.

Вывод был неутешителен: от Воробышкина, похоже, вовсе не ждали такой прити на снабженческой стезе. Все говорило о том, что от него именно ожидали противоположного. Александр Викентьевич путем длительного анализа постиг также и причины, заставившие шефа, Ивана Никифоровича Предбанника, направить в эту бесперспективную командировку именно Воробышкина.

Осознав этот печальный факт, Шурик с некоторой даже неприязнью поглядел на аппарат: ведь это он сделал Шурика таким искушенным. И Воробышкин почувствовал нечто вроде ностальгии по своему прежнему положению вечного неудачника, который даже не замечал вокруг себя якобы "удачливых" людей. Но делать нечего — и Шурик вновь обратился за советом к банке. Аппарат на этот раз выдал ему такую инструкцию, что у Шурика глаза на лоб полезли...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из командировки Воробышкин возвратился совсем другим человеком. Войдя в кабинет своего начальника, Ивана Никифоровича Предбанника, он плотно прикрыл за собой дверь и вполголоса заговорил: "Вот вам перечень того, что мне удалось достать..." Наблюдая, как глаза Предбанника постепенно округляются по ходу чтения списка дефицита, Шурик продолжал: "Но я думаю, что сначала не мешает сделать ремонт на квартире и на даче у вас... Руководящие кадры надо беречь. Настоящих руководителей у нас мало... Потом, если вы не против, надо отремонтировать квартиру нашего главбуха, ну а затем уж и мою... Кстати, хороших работников надо как-то поощрять... Да и раскодя у меня были ради общего дела. Я, знаете ли, не стал бы возражать против премии... Естественно, пополам с вами..." Не давая начальнику опомниться, Воробышкин раскрыл свой "дипломат" и завершил свою речь эффектным жестом: "Разрешите также преподнести вам этот маленький сувенир из прекрасной столицы". И на стол рядом со списком дефицита легли шоколадный набор "Вечерний город" и бутылка армянского коньяка.

Начальник, у которого в продолжение шурикова монолога все шире открывались сначала глаза, а потом и рот, встал из-за стола, смахнул слезу и взволнованно обнял Воробышкина. "Я знал, я знал, что вы себя когда-нибудь по-настоящему проявите". И Предбанник полез в сейф за

фужерами. Беседа Воробышкина с начальником прошла в теплой, дружественной обстановке и совершенно незаметно для обоих была продолжена на квартире Александра Викентьевича, где Предбанник довольно быстро перешел на "ты", милостиво повелев совершить такой переход и Воробышкину. Шурик не мог допустить такой фамильярности со своей стороны, но, оценив движение души шефа, поделился с ним своей тайной. Он описал историю нахождения банки и рассказал о ее благодеяниях. Было уже далеко за полночь, когда Воробышкин закончил свое повествование и представил начальнику собственно предмет разговора.

"Так ты говоришь, что это и есть тот самый инопланетный аппарат, который дает бесплатные инструкции?" - спросил Предбанник, недоуменно вертя Шурикову банку в руках. "А вы сами попробуйте, - предложил Воробышкин. - Только не забудьте взболтнуть и нажать кнопку." Но Иван Никифорович все еще не верил: "Что же у нее попросить? Это у меня есть, это я уже достал, это уже купил... Это жене уже не надо, а ей - тем более... Там я уже был, туда мне, упаси бог, незачем... Слушай, и спрашивать-то нечего! Ничего не могу придумать... Давай-ка еще по одной!" Еще одна рюмка прибавила Предбаннику не только смелости, но и немного фантазии. Он встал по стойке "смирно", поднес банку ко рту и гаркнул: "Жене что скажу? Где это я всю ночь?"

На экране тут же засветилась инструкция:

"ИНСТРУКЦИЯ № 021/4. Если вы немного задержались и пришли домой утром, на все вопросы жены отвечайте следующее:

- а/ - представляешь, дорогая, никогда не думал, что Ивашкин такой азартный! Но и мне под утро пришли три туза. Тут надо достать немного денег и отдать жене - деньги действуют на жен умиротворяюще./;
- б/ - представляешь, дорогая, как ко мне начальство хорошо относится: на загородную дачу к гостям из главка пригласили только меня;
- в/ - представляешь, дорогая, никогда не думал, что ревизоры так пьют! Но зато теперь на работе все в порядке, и мы летом можем съездить в Гагры;
- г/ прийти домой в сопровождении знакомого милиционера и, когда он, козырнув, уйдет, устало опуститься в кресло и, глядя задумчиво вдаль, повторять: "Вот и всё... Только ни о чем не спрашивайте... Спите спокойно - враг обезврежен...";
- д/ позвонить 999-99-99, спросить Элеонору.4

Когда экран погас, Предбанник судорожно вскочил с кресла, вылил себе на голову остатки шампанского, зачем-то лизнул этикетку "Сок РАЗНЫЙ" и запил нарзаном. В его голове рождались разные идеи. Одна из них особенно настойчиво сверлила его мозги, истощенные многолетней бюрократической работой. Это была сногшибательная идея, но говорить о ней Предбанник не мог.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Предбанник поймал Шурика за рукав, заташил его на кухню, плотно закрыл форточку и дверь, и закричал шепотом: "Ты понимаешь, что это за вещь? Нет, ты не понимаешь! Это же переворот во всем: в жизни, в службе, в науке, наконец... Это карьера, это деньги... Это слава!.. Ну и баночка!" Предбанник выскочил из кухни, схватил банку с журнального столика и, весело кружась, стал поглаживать ее по сплюснутым бокам. Удивленный Шурик в продолжение всех этих манипуляций начальника не произнес ни слова. Но когда Иван Никифорович зашел с банкой уже на третий тур вальса, Воробышкин осмелился прервать всю эту высокую поэзию неуверенной прозой: "Однако... э-э-э... не кажется ли вам, что ее уже пора отдать куда следует? Правда, я не знаю, куда именно... Может, вы знаете?"

"Ты с ума сошел! Отдать! А впрочем, - Предбанник вдруг почувствовал, что его сногшибательная идея может осуществиться, и совершенно преобразился сам на глазах у подчиненного. - А впрочем, ты прав. Удивляюсь, как это ты до сих пор не сделал этого. Ведь ты человек честный и понимаешь, какую ценность представляет этот объект для отечественной и мировой науки."

Тут Предбанник потер затылок и вдохновенно произнес речь о самоотречении ради высших идеалов, о самопожертвовании ради науки и прогресса человечества, об общественном характере нашего сознания и об огромном вреде, наносимом общему делу индивидуализмом, карьеризмом, стяжательством, тщеславием и всем прочем, чему нет и не должно быть места в нашем обществе. Редко когда он говорил с таким подъемом - даже на собственных юбилеях, устраиваемых трижды в год. В заключение он облобызал Воробышкина, смахнул отеческую слезу и заявил: "Я помогу тебе в твоём благородном деле. Завтра же доставлю банку куда следует." Воробышкин робко поинтересовался: "А куда следует?" - "Куда следует!" - значительно ответил начальник. - "Об этом не рекомендуется спрашивать!"

Затем Предбанник спросил, чего бы Шурик хотел попросить для себя напоследок. Взмолванный Воробышкин, потрясенный глубиной собственной честности и принципиальности, немного подумал и ответил: "Мне лично ничего не надо. Но я обещал институт, Ялту, Трускавец и цирроз печени моему новому другу Дубку..." "О нем можешь не беспокоиться. - быстро произнес Предбанник. Мне сегодня звонили... Дубок пусть лучше хлопчет, как бы его не посадили..." "Как посадили?" - изумился Воробышкин. Начальник ухмыльнулся: "Как всех дубков садят - чтобы желудки сверх плана давали в суровых условиях... Следствие началось по его

делаю... Так что давай что-нибудь другое." Тогда Шурик напрягся еще раз и сказал: "Вот как бы Фенечке мужа-спортсмена..." "Это кто же? - с плохо скрытым презрением спросил Предбанник. - Ах, да! Горничная в гостинице!.. Ну что ж, бери банку." Шурик в последний раз взял аппарат в руки и получил от него следующий совет:

"ИНСТРУКЦИЯ № 546/8. Для того, чтобы ваша знакомая девушка вышла замуж, надо:

- а/ если она красивая и глупая - всего-навсего жилплощадь и папу с весомой сберкнижкой;
- б/ если она красивая и умная - уже наличие в ее книжном шкафу полн. собр. соч. Кальдерона, а также всей макулатурной литературы общей стоимостью сравнимой с "Кигулями" и гаражом в центре города;
- в/ если она некрасивая и глупая - уже ей - два высших образования и молчаливый характер ее папе - должность капитана дальнего плавания, ее маме - другого мужа в другом городе;
- г/ а уж если она некрасивая и умная - то только позвонить Элеоноре по телефону 999-99-99."

Шурик сразу же стал набирать номер телефона своего старого друга-холостяка, чтобы сообщить ему, что кое-где находится сокровище с жилплощадью в столице и хорошим папой. Эффект был мгновенным и самым положительным. Но, пока Шурик убеждал поднятого с постели холостяка, что поехать можно и завтра, совсем не обязательно прямо сейчас, - Предбанник с банкой пропал...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Захватив банку, Иван Никифорович направился домой. Сообщив жене о высоких питейных способностях вымышленных ревизоров и заверив ее, что Гагры уже ждут их обоих, он заперся в спальне. Жена, чтобы не мешать обожаемому мужу спать, ушла в парикмахерскую. А обожаемый муж занялся хладнокровным расчетом своих действий. Надо было избавиться от Воробышкина и от жены Капитолины Капитольевны, которая уже вступила в свое четвертое восемнадцатилетие, за 54 года растеряв половину своих зубов и волос. Венцом должно было стать занятие Предбанником должности управляющего трестом, а там... Игривое воображение рисовало Ивану Никифоровичу такие заманчивые картины, что он с блаженной улыбкой заснул, укачиваемый собственной фантазией...

Воробышкина неожиданно пригласили на кинофестиваль в Канне, где предложили блестящую карьеру преемника Пьера Ришара, приняв во внимание внешность Шурика и его фантастическую невезучесть. Шурик согласился... Капитолина Капитольевна была уличена в порочащей честь мужа связи с парикмахером Зверушкиным и под давлением улик и отягчающих

обстоятельств согласилась на развод. А потом при содействии бывшего мужа вышла замуж за двадцатилетнего парикмахера... Всю жизнь страдавший злокачественной корью управляющий трестом Усыпальнички наконец отмучился и отправился к праотцам, в завещании передав трест под начало Предбанника. Трест открыл свой филиал на острове Фиджи, и Иван Никифорович ежегодно проводил там сладкий осенне-зимний сезон...

Предбанник проснулся свежий, деловой и уверенный в себе. Особенно ему понравились в его сне две вещи: глаза Зверушкина, недоуменно слушающего теплую речь бывшего мужа своей невесты за свадебным столом, а также прелестные глаза фиджиянки, преподносящей ему по поводу перевыполнения трестом плана туземный наряд - цветочную гирлянду и набедренник с клеймом "Монтана". Но так как до набедренника было еще далеко, Иван Никифорович решил начать с будущей невесты молодого парикмахера - Капитолины Капитольевны. Он достал банку, заболтнул ее, нажал кнопку и произнес: "Развод. Не портящий биографию." Этикетка пропала, и на ее месте появилась надпись:

"ИНСТРУКЦИЯ № 67/4. Развод. Часть седьмая - не портящий карьеру.

Для того, чтобы добиться развода с женой и остаться кристально чистым, надо:

- а/ попытаться договориться с ней полюбовно, посулив ей дачу, квартиру и по телевизору в каждую комнату;
- б/ ежедневно твердить, что вы не стоите ее красоты и ума; когда об этом же ей скажут и ваши друзья - она уйдет сама;
- в/ заменить бриллианты в шкатулке жены на битое стекло, золото - на куски ржавого металла, и можете считать себя вдовцом - она этого не перенесет;
- г/ уличить жену в измене, для чего изготовить красочный фотомонтаж, на котором она находится в объятиях Алена Делона или Армена Джигарханяна, приделав к телам артистов голову соседа;
- д/ позвонить 999-99-99, спросить Элеонору."

Иван Никифорович удовлетворенно хмыкнул, живо представив себе Алена Делона с лысой грушевидной головой Ивана Ивановича, соседа сверху. Этот пункт понравился ему больше всех остальных. Правда, Зверушкин оставался на свободе, но с Капитолиной Капитольевной было покончено. Предбанник стал собираться на службу. Найдя шикарный замшевый футляр от японской видеокамеры, он бережно вложил в футляр свою банку.

Выйдя на лестничную площадку, Иван Никифорович вызвал лифт. Кабина остановилась, и в открывшейся двери Ивану Никифоровичу померещился Алена Делон с лысой грушевидной головой соседа Ивана Ивановича. Алена Иванович ехал вниз, держа в руках сетку с пустыми бутылками. Все остальное произошло, как во сне: Предбанник ошелеп и выронил драгоценный футляр. Тот упал в кабину лифта, после чего дверь закрылась, и лифт

понес вниз Ивана Ивановича Делона с пустыми бутылками и чудесной банкой. "Сдасть, сволочь, в пункт стеклотары, - с ужасом подумал вслух Иван Никифорович. - На бутылку." Через секунду Предбанник стремглав бросился на первый этаж. Миновав пять этажей, он прибыл и вниз на три минуты раньше, чем кабина лифта. Наконец кабина раскрылась, и оттуда вышли соседские первоклассники. Ни Ивана Ивановича, ни Делона, ни даже Джигарханяна в лифте не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Иван Никифорович вошел внутрь и внимательно осмотрел кабину. Банки не было. Вдруг лифт, вызванный кем-то сверху, стал подниматься. Предбаннику стало плохо. Все мечты и надежды рушились. Где-то между вторым и третьим этажами померк далекий свет фиджийского заката, между третьим и четвертым - воскрес из мертвых Усыпальнишкин, между четвертым и пятым привиделся грозный палец Воробышкин, а между пятым и шестым Джигарханян с головой прокурора ташил Ивана Никифоровича "куда следует".

На шестом этаже дверь лифта открылась, и теряющий сознание Предбанник увидел соседа Ивана Ивановича, держащего в руке драгоценную банку. "Иван Никифорович! - раздраженно обратился к Предбаннику сосед. - Куда это вы периодически исчезаете? Тут, может, бутылки необходимо побыстрее сдать, а я носись за вами с вашим киноаппаратом! Забирайте!" Иван Никифорович хотел было горячо поблагодарить соседа, но тот уже ушел по своим весьма срочным делам. Предбанник облегченно вздохнул и отправился на работу.

Работа в родном учреждении уже давно кипела. В приемной начальника его прихода дожидались пять человек, в том числе и Воробышкин. Уже из кабинета Предбанник строго сказал секретарше по селектору: "Я буду занят. Пригласите ко мне только Воробышкина." Когда Воробышкин вошел, начальник доверительно обнял его за плечи, подвел к окну и, таинственно глядя вдаль, негромко, но торжественно произнес: "Я отнес, куда следует. Сказали - разберутся. Пока же надо молчать. Дело государственной важности... А вас хвалили. О том, что вы надолго задержали аппарат у себя, я не говорил. Поэтому и вы... не подведите...!" Воробышкин понимающе и благодарно взглянул на начальника, а тот крепко пожал ему руку и сказал, что Шурик может идти и спокойно работать. Предбанник проводил подчиненного до двери, плотно прикрыл дверь за ним и, гадливо улыбаясь, потер руки: "Так. Первый раунд за мной. Приступим ко второму." Он взболтнул банку, нажал кнопку и сладоострастно шепнул: "Уволить неугодного!"

На месте этикетки замерзал экран:

"ИНСТРУКЦИЯ 045/2. Для увольнения неугодного сотрудника надо:

- а/ если сдает деньги на подарки начальству - уволить за подхалимаж и дачу взяток, если не сдает - за противопоставление себя коллективу;
- б/ если пьет только по праздникам - за пьянство бытовое, если пьет по праздникам и по выходным - за хронический алкоголизм с направлением в ЛТП;
- в/ на профсоюзном собрании поставить вопрос об аморальном поведении; устав оправдывается, он уволится сам;
- г/ если ни один из пунктов не подходит - рекомендовать его на повышение;
- д/ позвонить по телефону 999-99-99, спросить Элеонору."

Предбанник задумался над пунктами инструкции. Она показалась ему несколько бедной по сравнению с его собственным богатым опытом. Ни один из пунктов не подходил. А Воробышкин, тем не менее, был единственным человеком; который знал о существовании банки. И неизвестно было, долго ли продлится его молчание, только что так мастерски запрограммированное Иваном Никифоровичем.

"Вот если бы его лет эдак на пятнадцать, да подальше, - подумал Предбанник. - Впрочем, и ТАМ он может меня продать... Вот если бы вообще..." И Иван Никифорович пораился собственной мысли: он не был кровожадным и всегда с недругами обходился тем, что посоветовала ему банка, и также еще несколькими вполне бескровными способами. Но тут иного выхода не было. Чем больше размышлял Предбанник, тем ясней ему становилось, что не может же, в самом деле, существование такого неудачника, как Воробышкин, мешать осуществлению планов начальника! И Иван Никифорович решился. Он взболтнул банку, нажал кнопку и кратко бросил: "Убрать. Навсегда!"

Банка громко булькнула, кабинет на миг озарила ярчайшая вспышка, резко открывшаяся форточка со звоном разбилась о стену, и на месте этикетки появилась надпись:

"ИНСТРУКЦИЯ 000".

Предбанник с ужасом почувствовал, что банка равкалилась, как самовар, и выпустил ее из рук. Не поднимая банку с пола, он на четвереньках подполз к ней со стороны экрана и прочитал:

"СРОЧНО ПОЗВОНИТЬ 999-99-99, СПРОСИТЬ ЭЛЕОНОРУ!"

Иван Никифорович ступело глядел на банку, лежащую у него под ногами. Когда свечение банки стало уже нестерпимым для глаз, а ковер под ней слабо задымился, раздумывать далее было нельзя. Иван Никифорович подбежал к столу и набрал номер - хорошо запомнившиеся семь девяток - и стал ждать. Ждал он недолго. Милый женский голос спросил: "Адрес?" Предбанник назвал адрес своего учреждения, и в трубке тот-

час же послышались сигналы отбоя. Следующие десять минут были самыми ужасными в жизни Предбанника...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наступила весьма драматическая минута. Страшная банка превратилась в огненный шар наподобие шаровой молнии. Шар начал двигаться: сначала это было беспорядочное вращение на одном месте, затем по периметру ковра. Наконец огненный шар стал преследовать Ивана Никифоровича, который от ужаса потерял дар речи и прятался от шара то под столом, то за шкафом.

Когда по селектору раздался голос послышался голос секретарши, Предбанник находился на шкафу и отбивался от шара раскрытым зонтом. "Иван Никифорович! Тут вас какая-то Элеонора спрашивает." Иван Никифорович сразу же обрел дар речи и взвизгнул: "Неме-ме-медленно впустить!"

Вошедшая молодая женщина в любой другой момент сразу же привлекла к себе внимание Предбанника: это была высокая блондинка с роскошными волосами, перехваченными зрелостными обручем. Ее стройный стан не могло скрыть даже свободно ниспадающее платье. Но самым поразительным в ней были ее глаза - огромные, темные, как глубины космоса, с каким-то неземным блеском. Но Ивану Никифоровичу было не до неземной красоты. Последние силы оставляли его.

Элеонора мигом оценила ситуацию, протянула руки к огненному шару, и он, словно послушный щенок, подлетел к ее рукам и опустился на них. Элеонора что-то повернула в нем, и уже через секунду на стол легла банка в ее обычном виде - с этикеткой "Сок РАЗНЫЙ". Затем красавица несколько неприяженно спросила: "Так что же вы хотели?" Голос ее зазвучал немного мягче: "Да вы спускайтесь, спускайтесь!"

Только теперь Предбанник осознал, что он неизвестно каким образом очутился на шкафу. Но спускаться оказалось еще сложнее. И когда Иван Никифорович осилил и это, он увидел, что Элеонора заняла место за его столом. Предбанник скромно присел на стуле для посетителей. "О чем же вы просили?" - повторила Элеонора. "Видите ли, - начал Предбанник, по тону Элеоноры и, самое главное, по поведению страшной банки уяснивший, что в своей последней просьбе он хватил лишку. - Видите ли, я только узнать хотел... Или пощутить чтоб... А так мы с ним друзья, вы и у него спросить можете... В конце концов, это его банка..." Элеонора очень спокойно ответила: "Во-первых, это не банка, а АКМ, Атомный Квазинструктор-Микро. Во-вторых, это аппарат, предназначенный для служебного пользования астронавтов, ведущих исследо-

вания на вашей планете. Кстати, я руководитель исследовательской группы..." Предбанник встал. Но Элеонора продолжала, не обращая на него никакого внимания: "И в-третьих, уж если АКИМ попал в ваши руки, то использовать его можно только в служебных или исследовательских целях, но отнюдь не в корыстных. Хотя он и выдает инструкции по любым вопросам, исходя из ситуации, характерной для данного времени и в определенной точке пространства. И запомните, АКИМ никогда не выдает инструкцию, предполагающую насилие. Таковы законы на нашей планете... А теперь, - Элеонора встала, - мне пора. Можете ничего не говорить. Мы телепаты, и я хорошо знаю, что вы сейчас скажете и что одновременно подумаете... Прощайте. Мне вас жаль. А вот вашим соотечественникам - вряд ли будет жаль..."

И Элеонора исчезла. Предбанник, простояв еще несколько минут по стойке "смирно", очнулся и протер глаза. Перед ним на столе лежала знакомая банка. "Забыла!" - обрадовался он. Но еще через секунду он заметил еще одну - точно такую же - банку на стуле, где только что сидела Элеонора. А потом обвел помутившимся взором весь кабинет: множество банок валялось на полу, на стульях и даже на шкафу, и все они были совершенно одинаковые.

"Где же этот Аким?" - подумал Предбанник. Затем он сгреб все банки в одну кучу и стал их взбалтывать и нажимать кнопки. Этикетки "Сок РАЗНЫЙ" не пропадали, зато из горлышек, прямо через продавленные кнопки, вырывалась обильная пена. Пена постепенно заливала весь кабинет, а Предбанник, с остановившимся сумасшедшим взглядом твердящий: "карьера, слава, Фиджи" - продолжал нажимать и взбалтывать...

...В конце рабочего дня кабинет Ивана Никифоровича открыла своим ключом уборщица тетя Дуся. Она с удивлением осмотрела совершенно пустой кабинет: не было ни мебели, ни бумаг, ни начальника. Только в середине помещения на месте стола лежал пустой футляр от шикарной импортной видеокамеры и стояли совсем новые предбанниковские туфли, а по всему кабинету расплывалась какая-то грязноватая пена. Тетя Дуся, недоумевая, куда делись столы и стулья, смела остатки пены веником и с уважением поставила туфли в угол.

Окончание следует.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е О Р О З Ы С К Е

Разыскивается Предбанник Иван Никифорович, 55-ти лет, исчезнувший из своего кабинета вместе с мебелью и бумагами при необычных обстоятельствах.

Знающих о местонахождении Предбанника И.Н. просим сообщить по телефону 999-99-99

Владимиру Цыбульскому и Сергею Кироте.

К О Н Е Ц
